

В современной сырьевой экономической модели развития Российской Федерации, где, казалось бы, традиционное природопользование обречено на медленное угасание, а его носители – на вымирание, местные сообщества, чей традиционный уклад жизни и хозяйствования неразрывно связан с "кормящими" возможностями ландшафтов, при столкновении с крупным бизнесом порой демонстрируют высокий уровень адаптации и предприимчивости, рождая новые причудливые формы экономических взаимоотношений, которые не укладываются в классические рамки наших привычных представлений о кочевном животноводстве, охоте и рыболовстве. Эти новые формы взаимоотношений между крупным бизнесом и местными сообществами требуют системного изучения, анализа и, возможно, соответствующего правового закрепления и легитимизации.

Миграция сельского населения в города и кризис традиционного природопользования во многом обусловлен недостатками системы хранения, переработки и сбыта сельскохозяйственной продукции.

Правовые механизмы экологической оценки и градостроительного планирования позволяют наладить равноправный диалог между местными сообществами и ресурсодобывающими предприятиями разных форм собственности, повысить общественную эффективность инвестиционных проектов.

ЭО, 2008 г., № 3

© А. А. Сирина, Г. Фондад

ПРИЗРАК НЕФТЕПРОВОДА НА СЕВЕРЕ БАЙКАЛА*

Введение. В статье на основе полевых материалов мы рассматриваем ожидания и опасения эвенков Северного Прибайкалья накануне предполагаемого строительства нефтепровода "Восточная Сибирь – Тихий океан" (далее – ВСТО) в 2005 г., а также их взаимодействие с компанией "Транснефть". Промышленное развитие часто влечет за собой изменения в традиционных занятиях коренных народов и их образе жизни. Законодательство Российской Федерации дает легальные инструменты для рассмотрения экологических и социальных последствий проектов развития, в результате чего коренное и местное население получает возможность выразить свои тревоги. Однако обращает на себя внимание неполнота самого законодательства и его разрыв с правоприменительной практикой. Сложившаяся ситуация характерна для всех регионов нефтегазодобычи. Она обсуждается с точки зрения совершенствования отношений промышленности, коренных малочисленных народов Севера и власти и выводит на рассмотрение проблем экологической и социальной справедливости.

Нефтепровод ВСТО: немного истории. Высокая цена на энергоносители на мировых рынках стимулирует интенсивное освоение запасов российской нефти и газа. Речь

Анна Анатольевна Сирина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН; annas@iea.ras.ru

Гейл Фондад (Fondahl) – руководитель Программы географии и туризма, Университет Британской Колумбии, Канада; fondahlg@unbc.ca

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ (06-01-1212в) "Принципы и методы оценки этносоциального воздействия современных управленческих решений на население Севера: оценка мирового опыта и российской практики".

идет о разработке разведанных в позднее советское время нефтегазовых месторождений "пока еще нетронутой", по выражению одного из нефтяников, Восточной Сибири, и транспортировке нефти и газа в страны АТР. В 2003 г. компания "Транснефть" подала на государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ) первоначальный проект, по которому нефтяная труба ВСТО шла по южному берегу Байкала, но проект не был утвержден Минприроды. Второй вариант проекта на стадии обоснования инвестиций предусматривал прохождение нефтепровода в 200 км к северу от Байкала. 31 декабря 2004 г. правительство РФ подписало решение о его строительстве, но "Транснефть", добившись нужного решения, признала собственный проект технически нереализуемым, и появился его третий вариант – по самому берегу Байкала, вдоль железнодорожной ветки БАМ (Черниченко 2006). Планируемый нефтепровод на территории Северо-Байкальского р-на Бурятии приближался к берегу озера до 800–1000 м и пересекал его водосборный бассейн. В результате лоббирования в правительстве РФ интересов "Транснефти" проект ТЭО ВСТО вдоль трассы БАМ у Байкала со второй попытки прошел ГЭЭ. В апреле 2006 г. он был, тем не менее, отклонен президентом В.В. Путиным (Григорьева 2006: 1–2). Этому предшествовали митинги протеста сибиряков, протесты российских и международных экологических организаций. И все же основную роль в принятии такого решения сыграла экономическая целесообразность прокладки нефтепровода вблизи нефтяных месторождений севера Иркутской обл. и юго-запада Якутии.

Нынешний "северный" маршрут трубопровода по южной Якутии получил название "Расширение трубопроводной системы ВСТО"²⁸. Строительство началось в 2006 г. от г. Усть-Кут (Иркутская обл.) до ст. Сковородино (Амурская обл.); протяженность трассы составит 2757 км. К 2015 г. по трубопроводу предполагается перекачивать до 40 млн т нефти. Точные сроки его запуска не определены (Мазнева, Малкова 2007).

Приглашение к экспертизе. Весной 2005 г. научно-производственный Центр по охране и использованию памятников истории и культуры Министерства культуры и массовых коммуникаций Республики Бурятия (заказчик – АК "Транснефть") пригласил нас вместе с археологами из Иркутского технического университета провести историко-культурную экспертизу на севере Байкала, в районе предполагавшегося строительства нефтепровода ВСТО. Работа проходила в соответствии с Законом "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации (2002)", в котором предусмотрено обязательное проведение историко-культурной экспертизы в местах планируемой промышленной деятельности. Закон определяет порядок выявления, использования и охраны "достопримечательных мест" – культурных и природных ландшафтов, мест совершения религиозных обрядов, памятных мест (ФЗ-73). Без проведения такого исследования и соответствующего заключения компания не имеет законного права начать реализацию своего проекта²⁹.

Мы не ограничились историко-культурной экспертизой и провели исследование по социальной оценке воздействия проекта на коренное и местное население. Были определены группы населения, попадающие под непосредственное воздействие проекта, их демографические, медицинские, образовательные характеристики; изучены состояние экономики, степень зависимости населения от природных ресурсов, его вовлеченность в традиционные и нетрадиционные отрасли хозяйства, хозяйственные объединения, система землепользования. Кроме того, различными методами, включая социологический опрос, были выявлены тревоги и ожидания местного населения в связи с предполагавшимся строительством³⁰. Эти данные были оформлены в обширный отчет (Сирина, Фонда 2006), из которого в официальный отчет по итогам историко-культурной экспертизы вошел один раздел об историко-культурных памятниках (Ветров и др. 2006)³¹.

Эвенки Северобайкальского р-на Республики Бурятия. За экологическими проблемами, связанными с угрозой нефтепровода для Байкала, остались в стороне вопро-

сы соблюдения прав коренных малочисленных народов Севера – эвенков, которые издавна живут в Северном Прибайкалье.

Северобайкальский район расположен на северо-западе Республики Бурятия. В физико-географическом отношении он представляет горно-таежную страну, изрезанную горными реками, впадающими в Байкал, из которых самая значительная – Верхняя Ангара. В начале XX в. в этой части Сибири жили не более 3,5 тыс. чел. К началу XXI в. в связи со строительством БАМа (1974–1989 гг.) и, в меньшей степени, геологической разведкой (1950–1980 гг.) оно увеличилось до 41 тыс. чел.³² В районе живут 711 эвенков, что составляет 4,3% от общей численности населения (2002 г.). Постановлением правительства РФ от 11.01.1993 г. местами компактного проживания народов Севера в районе определены четыре эвенкийских муниципальных образования (МО), два из которых – Киндигирское эвенкийское МО с пос. Холодное и Душкочан (389 чел., в том числе 172 эвенка) и Чильчигирское эвенкийское МО с пос. Уоян (423 чел., в том числе 186 эвенков) – были бы непосредственно затронуты строительством. В связи с этим мы сосредоточили свою работу именно в этих населенных пунктах.

Преимущество занимаемых эвенками Северного Прибайкалья территорий прослеживается, по крайней мере, с XVII в. Не менее трех столетий эвенки здесь живут бок о бок с русскими и бурятами; здесь нет мононациональных поселений. Социологический опрос показал, что "местными" люди считают "коренных жителей" (22%), а также тех, "кто живет здесь" (18%), кто "родился и вырос здесь" (13%) или "прожил здесь не менее 10–20 лет" (16%).

Как и в других регионах Севера, в результате социально-экономического кризиса 1990-х годов произошла вынужденная демодернизация и натурализация хозяйства (Сирина 2000). На месте разрушенных производственных мощностей и старых коллективных форм хозяйственной организации в эвенкийских поселках стал возникать слабый, разделенный частный (семейный, семейно-родовой) промыслово-рыболовческо-оленоводческий сектор экономики. В настоящее время в районе есть четыре оленеводческо-охотничьих хозяйства – общины "Улуки", "Орон" (пос. Холодное), "Биракан" и ООО "Возрождение" (Нижеангарск), а также промыслово-рыболовецкое хозяйство "Чильчагир" (пос. Уоян). Все предприятия имеют статус юридических лиц и все, кроме кооператива "Чильчагир", образованы в начале 1990-х годов. Две из упомянутых общин принадлежат городским эвенкам (Fondahl 1998; Сирина, Фондал 2006). Все общины являются экономическими объединениями.

В районе проживания эвенков Северного Прибайкалья нет ни одной территории традиционного природопользования (ТТП). Две оленеводческие общины имеют в аренде олени пастбища, которые находятся в 50–80 км от пос. Холодное на Байкало-Ленском водоразделе. Остальное население поселка хотя и ловит рыбу, собирает ягоды и шишки, охотится вне границ поселка, но не имеет законодательных прав на используемые территории.

Официальная безработица в пос. Холодное и Уоян составляет 44 и 60% соответственно, неофициальная доходит до 70–80%. Проблема трудоустройства, особенно среди молодежи, в эвенкийских селах стоит очень остро. Рыболовством, охотой и собирательством занимается большинство коренного и местного населения. В очень небольших масштабах ведется оленеводство. Практически все жители имеют подсобные хозяйства. Вместе с государственным социальными выплатами эти отрасли формируют бюджет 80–90% эвенкийских хозяйств.

Информированность о проекте. Исследование показало, что население не было адекватно информировано о планах строительства нефтепровода. Большинство респондентов ответили (79%), что представители власти его с ними не обсуждали. В одном из ответов отмечено, что "[встреча] была, но люди не собрались". 83% опрошенных отметили, что представители компании не обсуждали с ними возможность строительства ("было проведено анкетирование"; "была попытка, но не состоялась"). В

апреле 2005 г. председатель ассоциации пос. Холодное попыталась собрать людей, однако никто не пришел. На повестке дня было два вопроса – распределение лимита на нерпу и строительство нефтепровода. Говорили также, что еще до этого администрация проводила информационную встречу, но практически никто не пришел.

В числе реакций на начало строительства наш опрос выявил: "беспокойство" (50%), "тревогу" (33%), "страх" (26%), "надежду найти хорошо оплачиваемую работу" (24%). На наш взгляд, негативные эмоции были вызваны недостатком информации и сотрудничества с населением по выявлению его нужд и приоритетов. Вероятно, они были также связаны с недавней историей этой группы эвенков, уже испытывавших на себе стресс (как нам говорили местные жители) в результате строительства БАМа. К сожалению, этот аспект воздействия до сих пор остается практически неисследованным.

Другой причиной может быть недостаточная информированность о проведении собраний. Собрание, организованное "Транснефтью", было объявлено незадолго до проведения; объявление было вывешено на дверях сельской администрации. Многие жители говорили, что ничего о собраниях не знали. Нельзя считать удачным и местоположение общественной приемной по трубопроводу и документов ОВОС в п.г.т. Нижнеангарск, куда население эвенкийских поселков, особенно Уояна, Куморы, Байкальского, не всегда имело возможность выехать, что связано с материальным положением большинства эвенкийских семей. Например, проезд из пос. Холодное в Нижнеангарск и обратно обошелся бы в 30 руб., что на тот момент соответствовало цене трех буханок хлеба, а проезд из пос. Уоян до Нижнеангарска и обратно – в сумму около 150 руб., что соответствовало цене 15 буханок хлеба (ПМА 2005).

Неоднократное изменение планов пути прокладки нефтепровода лишь усложняло проблему информирования населения. Средства массовой информации скорее запутывали людей, чем проясняли ситуацию. 13 июля 2005 г. в районной газете "Северобайкальские вести" в соответствии с Законом "Об экологической экспертизе" и распоряжением правительства РФ № 1737-р от 31 декабря 2004 г. было опубликовано объявление о проведении общественных слушаний. 27 июля 2005 г. в той же газете была опубликована заметка "Нефтепровод пойдет другим путем?", в которой сообщалось, что первый вариант прокладки нефтепровода на 150 км севернее Байкала "ввиду непроходимости мест и отсутствия технических и экономических ресурсов" был отклонен (СВ 2005: 1). Предложено поменять трассу и проложить нефтепровод в зоне водосборного бассейна оз. Байкал. Эта информация появилась за две недели до начала общественных слушаний и после обсуждений в поселках района, хотя еще весной были прорублены просеки на месте предполагаемого строительства, то есть решение поменять трассу нефтепровода было принято компанией гораздо раньше.

Позитивные и негативные ожидания. Не все население, с которым мы работали, было категорически против строительства. Мнения опрошенных нами людей разделились примерно поровну: 42% респондентов были настроены на компромисс и не возражали против строительства при условии соблюдения требований экологической безопасности, 48% респондентов высказались против строительства³³. Какие вопросы, связанные с предполагаемым строительством, более всего волновали местное население? Это были проблемы экологической безопасности, трудоустройства, выплаты компенсаций, необходимости справедливого распределения доходов среди населения поселков. Поднимались также вопросы относительно целесообразности вывоза сырья и рентных платежей. Экологические и социальные аспекты озабоченности были тесно взаимосвязаны. От сооружения нефтепровода ожидали притока постороннего населения, загрязнения земли и воды, исчезновения зверя и рыбы, разрушения священных и других важных мест, аварий. Вот несколько примеров отрывков из интервью, услышанных нами в пос. Холодное:

"Если комбинат (Холодненский. – А.С.) и трубу сделают, все повымрет. Эта труба лопнет и в Байкал все пойдет. ...И так-то все загрязнилось, а сейчас еще. Мы тут так и умрем, как тунгусы" (м/5-)³⁴.

"Я против. Тунгусы говорят, что все против. Не дай Бог прорвет – все здесь будет" (м / 20).

"Мы-то вымрем потом. Нас так просто бросили на выживание" (ж/5-).

"Байкал – это же не речка, стоять будет.

Да это сразу все погибнет..." (м/20).

"Не, я против, сразу говорю. Потому что я здесь вырос. Пускай вон там где-нибудь, по той стороне ведут ... Здесь конечно дешевле им обойдется. Но Путин же не дает им экологию засорять. Не дай Бог, этот мазут" (м/2-).

Среди позитивных ожиданий от реализации проекта основные были связаны с трудоустройством. Около 30% респондентов считали, что в связи с началом строительства у них появится возможность устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Среди тех, кто не возражал против строительства, более половины надеялись на возможность получить работу на строительстве и эксплуатации нефтепровода (преимущественно мужчины в возрасте от 18 до 60 лет). Среди других позитивных ожиданий – возможные выплаты платежей и компенсаций в бюджет района и республики, от которых возможно что-то достанется и эвенкийским поселкам.

"От этой промышленности в поселок ничего пока не пойдет. Но надеемся. У нас же консолидированный бюджет района. Так что от большого пирога и нам может что достанется. Если бы была ТТП (территория традиционного природопользования. – А.С.) вообще разговору даже не было..." (м/4-).

Одновременно многие эвенки и другие местные жители говорили, что им не нужны компенсации, а нужны чистые вода, лес и воздух: "Компенсация не нужна, нужна чистая природа". "Зачем они, эти деньги, когда это будет заражать людей, наше поколение" (ж/8-, 4-). При этом большинство считало, что возможные компенсации следует выплачивать не какому-то одному человеку или группе людей, а всем жителям поселка. Чуть больше половины респондентов (51%) считали, что все местное население должно иметь особые права при строительстве и загрязнении их территории.

Общественные обсуждения.

Из зала: "А че по Лене-то не идете? Байкал обойдете..."

Представитель компании: "А вам от этого лучше будет? Нет, вам от этого лучше будет? Вы точно также..."

Из зала: "Так это вам лучше будет!"

Из зала: "А почему вы сюда, на Байкал-то? Почему не сразу на место рождения нефтяные?"

Обозначенные выше проблемы достигли точки накала на общественных обсуждениях в пос. Холодное 13 июля 2005 г. Общественные обсуждения как предмет этнографического анализа представляют новый элемент в привычном поле российских этнографических исследований. Они дают богатые материалы как для характеристики отдельных сторон локальной культуры, например, изучения народного ораторского искусства, так и для темы диалога культур. Пока же изучение общественных слушаний не привлекло внимания этнологов, чему есть объективные причины. Стать участником таких мероприятий, если вы не местный житель или не представитель неправительственной экологической организации, сложно. Но и в этом случае событие может пройти мимо: компании не заинтересованы в общественных слушаниях. Согласно действующему законодательству, однако, общественные слушания являются необходимым элементом процедуры ОВОС, которая, в свою очередь, необходима для получения разрешения на реализацию объекта строительства. Информация об их проведении должна быть опубликована на страницах прессы, но ее еще нужно обнаружить: она может появиться в малоизвестной газете, а объявление – быть набранным мел-

ким шрифтом на последней странице. Слушания в городах могут проводиться в сезон летних отпусков (как это было в Иркутске и Улан-Удэ 16 августа 2005 г.), а в северных поселках, наоборот, осенью, когда почти все мужчины находятся на промысле в тайге. Активно и беззастенчиво используется административный ресурс, есть и другие ухищрения³⁵.

На слушания в здание местного клуба пришли около 20 человек – представители администрации (преобладали женщины), учителя, а также охотники и рыбаки, преимущественно мужчины. Группы мужчин не вполне трезвого вида бродили по прилегающим к клубу улицам, не решаясь зайти. Из Северобайкальска в пос. Холодное на обсуждение приехали по два представителя компании "Транснефть" и районной администрации. Представитель компании дал общую информацию о компании и о проекте, подчеркнув, что "Транснефть" – государственная компания, и что правительством РФ уже подписано постановление о начале строительства. На период строительства планируется отчислить в Республику Бурятия в виде единого социального подоходного налога около 10 млн долл.³⁶

Какие же разъяснения услышали местные жители в ответ на свои тревоги и ожидания? Прежде всего, судя по тону обсуждений и ответам на вопросы, компания не была готова к открытости и диалогу с людьми, в том числе по вопросу, более всего волновавшему людей – об экологической безопасности.

Вопрос из зала: "Хорошо, вы из Тюменской области. Вам конкретный вопрос: вы говорите о том, что эта сеть [нефтепроводов] и прочее совершенно не действует на окружающую среду, что там нет выбросов нисколько, да?"

Представитель компании: "Практически нет".

Из зала: "Нет, честно скажите".

Представитель компании: "Честно говорю, нет".

Из зала: "Вот я там был, в Тюменской области (у говорящего жена – манси, и к ней на родину они периодически выезжают. – А.С., Г.Ф.)".

Представитель компании: "Где вы там были?"

Из зала: "В Тюменской области, конкретно могу вам сказать недалеко от Урая. Там невозможно в речке купаться. Там местные жители купаются в глухих озерах, я сам этому очевидец".

Представитель компании: "Нет, это вы зря".

Из зала: "Да вот я буквально в позапрошлом году ездил. Я сам там был, лично (шум в зале)".

Представитель компании: "Река там есть, да. Тот же Иртыш. Никаких проблем".

Слушания проводились в тот момент, когда, не дожидаясь завершения официальной процедуры ОВОС, уже началась рубка санитарной просеки на пути будущей трассы нефтепровода, что было нарушением Закона "Об экологической экспертизе".

Представитель компании: "Ну чем вы слушаете, сейчас идут общественные слушания".

Из зала: "Ну, эти общественные слушания... По-моему, уже все [решено]. Тут уже руководство захотело и все..."

Представитель компании: "Нет, ну подождите..."

Из зала: "Ну что говорить. Мы же видим, лес рубят они..."

Представитель компании: "Ну, вы извините, на сегодняшний день, я вам говорю, мы труб еще не принимали. У нас только отрабатывается схема. А то, что возят трубы – да, металлургический завод работает, трубы возят туда-сюда".

Представители компании и районных властей не скрывали, что обсуждения – только не очень приятная проформа. То, что решение компанией уже принято, понимали и жители. Таким образом, они изначально были исключены из процесса выработки решений.

Представитель компании: "Еще вопросы есть?"

Из зала: "Какие там вопросы. Уж все в Москве решили давным-давно".

Представитель районной власти: "Я так понимаю, что молодые люди сюда приехали не оправдываться и не решать глобальные мировые проблемы. Поставить вас в курс дела именно с технической и экологической точки зрения".

Из зала: "Перед фактом уже ставите".

Другой голос из зала: "Вот так и надо говорить открыто: мы вас ставим перед фактом".

Рабочие места. Одним из главных аргументов представителей компании за строительство нефтепровода было создание новых рабочих мест для жителей села: "Максимально будет задействовано местное население, однозначно, как при строительстве, так и при эксплуатации. ...на период строительства, еще раз повторяю, будет использоваться... только местное население". Проблема трудоустройства очень актуальна и болезненна, о чем говорит, например, такой диалог:

Представитель компании: "Вы где работаете на сегодняшний день? Чем питаетесь?"

Из зала: "Да мы безработные здесь поголовно".

Представитель компании: "Так вот о чем и речь идет. На сегодняшний день удовольствие доставляет вам то, что вы безработные?"

Из зала: "Если бы на работу пообещали взять, но маловероятно, что я устроюсь".

Сомнения местных жителей оправданы, поскольку рабочих мест было очень мало. Представители "Транснефти" упомянули несколько раз, что 40 человек из Северобайкальского р-на будут отобраны для обучения в 2006 г. – это меньше 0,1% всего населения региона, и маловероятно, что прямую выгоду от устройства на работу в компанию получили бы более 2–4 жителей поселков Холодное и Уоян. Кроме того, компания сама не нанимает людей – это делают подрядные и субподрядные организации, у которых нет четких обязательств перед администрацией поселка, района и республики в отношении трудоустройства коренных народов Севера. Неслучайно глава штаба Северобайкальского участка нефтепровода на встрече с жителями пос. Холодное не смог назвать точного процента предполагаемой занятости местного населения, в т.ч. эвенков³⁷.

Компенсации. В связи с тем, что реализация проекта поставит под угрозу саму основу существования эвенков и местных жителей, люди поднимали вопрос о компенсациях.

Из зала: "Скажите, пожалуйста, что от этого трубопровода мы, местное население, будем иметь, какие доходы? Будут ли идти какие-то деньги на село?" (*шум в зале*).

Представитель компании: "Нефтепровод на сегодняшний день не пересекает родовые земли. Если раньше северный вариант пересекал родовые земли, то сейчас не пересекает".

Из зала: "Как не пересекает?" (*шум в зале*).

Реплики: "Люди-то все пострадают, оттого что вы рядом-то строите". "Почему не должна вся деревня компенсацию иметь?"

Представитель компании: "Ну компенсацию за что? За то, что мы занимаем территорию, за территорию мы будем платить в район, за аренду земли на стадии строительства денежные средства будут идти району..."

По информации персонала компании, первоначальная сумма налогов в бюджет Республики Бурятия составила бы 59 млн долл., из них 50% должны были быть разделены между бюджетами трех районов Бурятии, по которым бы прошел нефтепровод, а 50% – непосредственно в субъект РФ. Отдельной строкой предполагалось сотрудничество с целью социально-экономического развития регионов. Для Республики Бурятия сумма дисконтных налоговых отчислений была просчитана экономистами для ЮКОСовского варианта строительства нефтепровода. Вывод был неутешительным, и в целом он вполне приложим и к рассматриваемому варианту ВСТО: "Рассматривая бюджетную эффективность с точки зрения местного населения территорий, где пройдет нефтепровод, можно заметить, что местные бюджеты могут рассчитывать лишь

на незначительные поступления от строительства и эксплуатации нефтепровода" (Трушкин, Шапхаев 2003).

На встрече с представителями компании вопрос о компенсациях прозвучал как прямо, так и в форме необходимости справедливого распределения средств от продажи нефти среди всего населения России. Люди задавали "государственные" вопросы: "...наш рынок не насыщенный, такие цены на топливо, а мы нефть-сырец гоним... чтобы те государства наживались на этом. Разве это выгодно государству? ...Вот я в школе работаю. Дети – они нас не понимают: лес здесь рубим, туда везем, потом оттуда покупаем. Очень интересная задачка. По ценам даже. Как детям-то объяснить?" Представители компании предложили не вдаваться в политику, представив себя как компанию, которая отвечает только за транспортировку нефти.

Проблема заключалась не только в информированности, но и в неумении и нежелании установить диалог с людьми, которые имеют иное мировоззрение, образ жизни, и на взгляд городских промышленников кажутся безнадежно отсталыми ретроgrадами, стоящими на пути прогресса. Вот только один пример:

Представитель компании: "Вы же не хотите в лесу жить. Вы хотите прийти домой телевизор включить. Вы хотите цивилизацию..."

Из зала: "Почему не хотим? Мы, наоборот, в лесу живем. Цивилизацию. Мы сейчас посмотрели на эту цивилизацию. Кошмар какой-то".

Неуважительность представителей компании проявилась и в частых напоминаниях людям задавать "конкретные вопросы", и в самом тоне встречи. Похоже, их интересовали только технические и технологические вопросы, в то время как закон требует рассмотрения социального и культурного воздействия. В то же время эта встреча была единственно доступным общественным собранием для многих местных людей, на котором можно было обсудить беспокоящие их проблемы социального и культурного воздействия проекта, а также технические вопросы.

На официальном сайте "Транснефти" можно было прочитать: "Корреспондентам ТТН (трубопроводный транспорт нефти. – А.С., Г.Ф.) удалось побывать на сходах граждан в селах Холодное и Уоян Северобайкальского р-на, являющихся местами компактного проживания аборигенов здешнего края – эвенков. Население с надеждой ожидает начала строительства нефтепровода, который оживит экономику этого социально неблагополучного района" (www.transneft.ru/magazin/). Похоже, систематическое манипулирование информацией не случайно и единовременно, а продумано и просчитано.

Забывтый опыт. "Бродячие инородцы", к которым в прошлом относилось большинство эвенков Северного Прибайкалья, не имели исключительных прав на землю, но пользовались правом свободно вести промысел на своих родовых территориях и других охотничьих угодьях за пределами их административных границ. Кроме того, посторонние не могли селиться или начинать любые проекты на этих землях без их согласия. В XIX в. северное и восточное Прибайкалье наводнили золотодобытчики, торговцы, рыбопромышленники, охотники. Правительство было вынуждено разрешить ясачным тунгусам отдавать свои земли в "оборочное содержание" по условиям с обществами (*Доппельмайер* 1926). Так на севере Байкала установился институт сдачи земли в аренду – один из первых опытов решения проблем землевладения и компенсаций, о котором до сих пор мало кто знает. Крупные рыбопромышленники, купцы, охотники, нуждающиеся в развитии своего дела, для подписания договоров на аренду земли и рек обращались с письмами-заявками к "господам тунгусам", а не тунгусы к ним, заранее оговаривая условия сдачи земли в аренду.

Наиболее богатыми родами были: киндигирский – за счет арендной платы за водоемы и чернолесье (участки хвойной тайги, богатой зверем) и шемагирский (самый малочисленный, всего около 45 чел.) – за счет арендной платы за чернолесье по восточ-

ному берегу Байкала (более 20 рек). Арендаторы были из баргузинского купечества и зажиточных крестьян. Арендная плата составляла от 100 до 300 руб. за реку в год. У шемагирцев и киндигирцев в сбережении был капитал, который хранился в госбанке на специальных счетах. В пос. Сосновка – центре инородной управы тунгусов шемагирского рода – был склад бесплатных товаров и продуктов. "С 1917 г. началось у шемагирцев бедствие: аннулировали все их деньги, отобрали все постройки в Сосновке и организовали там питомники, а самих тунгусов выгнали из поселка" (*Цивилев* 1998: 8). В 1918 г. они переселились в пос. Томпа на северо-восточном берегу Байкала.

Тунгусы не имели права на недра занимаемых ими земель и были пользователями, а не владельцами земли. Вопрос о том, могут ли инородцы распоряжаться недрами, ставился еще в 1806 г., но ответ иркутского губернатора был следующим: "...инородцы никаких исключительных прав на земли, занимаемые их кочевьями, не имеют, ...а предоставлена им только свобода, по указам гражданского начальства, пользоваться в тех землях сенокосами, заводить скотоводство и иметь звериный промысел" (*Донпельмайер* 1926: 201). Часты были случаи обмана и давления со стороны арендодателей, когда дела за тунгусов решали русский писарь или знакомые крестьяне или купцы. И все же такой порядок помог установить стабильные денежные поступления в государственный банк на имя определенного родового управления тунгусов, благодаря чему, по воспоминаниям очевидцев, "жизнь тунгусов до 1917 года была полная чаша блаженства" (*Цивилев* 1998: 9). За счет этих денег оплачивалась покупка и доставка товаров, в том числе в отдаленные тунгусские стойбища; выплачивалась определенная сумма в год на каждого члена рода в возрасте от 16 до 80 лет, открывалась школа. При этом промышленность еще не развивалась в таких масштабах, чтобы угрожать самому основанию природы, от которой зависели тунгусы.

Обсуждение. Около половины наших респондентов неодобрительно отнеслись к добыче и экспорту невозобновляемых природных ресурсов. Чем это можно объяснить? Вот только некоторые из возможных причин: экологические проблемы при строительстве; неурегулированность отношений коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, с горнодобывающими компаниями и государством; неудовлетворенность локальных сообществ принципами распределения доходов и средств от промышленного развития; неудовлетворенность возможностью трудоустройства; наконец, негативное отношение многих жителей к сырьевой и олигархической модели современной российской экономики. Все эти вопросы были подняты на общественных обсуждениях проекта ВСТО. Они отражают те дискуссии, которые идут и в российской прессе, и в аналитических журналах относительно нефтегазового вектора развития России. "Россия теряет десятки миллиардов долларов в год из-за избыточного энергопотребления и продажи первичного сырья с неглубоким уровнем переработки и низкой добавленной стоимостью. ...В данной ситуации нужно ли стремиться добывать значительно больше энергетических ресурсов?" (*Бобылев* 2006).

Сосредоточимся на проблемах взаимоотношений народов Севера, промышленных компаний и государства. К настоящему времени в России имеется обширное законодательство в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера (*Кряжков* 2005). Оно касается в первую очередь тех, кто ведет традиционное природопользование³⁸. Федеральный закон "О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока" (2001) дает право создавать такие территории местного, регионального и федерального значения. ТТП регионального значения занимают до 25% территории ХМАО (*Новикова* 2006). Идет оформление таких территорий в Южной Якутии, вдоль строящейся трассы нефтепровода в соответствии с республиканским Законом о ТТП, принятом в 2006 г. В то же время, не вполне понятно, насколько законно создание региональных ТТП, если они образованы на землях федерального лесного фонда. Прикрываясь "государственными" интересами, риторикой, а также этим несоответствием, промышленники про-

сто захватывают земли, если не добились подписи владельца участка (Миськова 2005: 131–133; Зенько 2001: 24). Почему же пока не создано ни одной территории традиционного природопользования федерального значения, хотя необходимость в их создании стоит достаточно остро, о чем свидетельствуют иски общин народов Севера к правительству РФ? Исследователи и эксперты приходят к заключению, что государство оказалось не готовым целенаправленно следовать выполнению принятых законов (Новикова, Якель 2006). Взятая федеральными властями пауза в этом важном вопросе дает фору промышленникам для закрепления на землях, где живут и ведут традиционное природопользование представители северных народов.

Игнорирование законных прав коренных народов властями и промышленными компаниями укоренилось в России. Более того, и некоторые зарубежные компании, работающие в России, воспринимают это отношение, ссылаясь на недостаточную разработку законодательства в отношении этих народов, в частности, тех их групп, которые проживают в поселках (Брадишоу 2005). Отчасти это верно. Помимо проблем с применением уже имеющихся законов, реальные пробелы существуют в самом законодательстве. На их ликвидацию направлен Федеральный закон "О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации" (первый вариант носил название Закон "Об этнологической экспертизе"), который в настоящее время рассматривается во втором чтении в Государственной Думе.

На Севере России преобладают поселения смешанного национального состава. Полиэтнический характер природопользования характерен для большинства регионов Сибири. На общественных слушаниях в пос. Холодное практически ни разу не прозвучали ссылки на особые права коренных малочисленных народов. Население не эксплуатировало этнический аспект, выступив как жители одного поселка, граждане одного государства. Российское законодательство по коренным малочисленным народам Севера, по сравнению с законодательствами других стран, таких как Канада, США и Австралия, имеет одно отличие и сильную сторону: оно в меньшей степени сосредоточено на наследственных правах, а больше на защите традиционных хозяйственных занятий и территориях, которые обеспечивают эту преемственность. Когда люди поднимали вопрос о компенсациях в случае строительства нефтепровода, подчеркивалось, что компенсации следовало бы распределять всему Киндигирскому МО, т.е. двум поселкам, в которых эвенки составляют лишь около трети населения. Сама идея компенсаций – это вынужденная мера, компромисс между местным населением и государственными и корпоративными интересами. В случае, когда нет иной альтернативы, компенсации необходимы для поддержания жизнеспособности общин коренных малочисленных народов. Компенсации необходимо направлять по согласованию с людьми на создание рабочих мест, прежде всего – в традиционных хозяйственных отраслях. Нерешенность вопросов с правами на землю, отсутствие законодательно установленной процедуры компенсационных выплат в те общины и поселки, которые будут непосредственно затронуты воздействием проекта, углубляет депрессивное состояние местной экономики и населения.

Общественные слушания – важный законодательный инструмент влияния общественности на будущий проект. Их эффективность зависит от конкретного поселка и региона – его экономического состояния, сплоченности населения, позиции руководства поселка, района, области или республики, а также от культуры, т.е. наличия традиций коллективной защиты, понимания людьми своих прав и обязанностей. Их эффективность также в немалой степени зависит от фактора времени как в смысле времени, удобно выбранного для всего населения, так и их планирования еще до принятия решения. Что касается общественных обсуждений в местах проживания народов Севера, то именно в это время население особенно нуждается в советах и разъяснениях

не только антропологов, экологов и представителей промышленных компаний, но и, главным образом, в советах профессиональных юристов.

Северобайкальский проект ВСТО высветил проблемы, которые вышли далеко за рамки соблюдения прав коренных малочисленных народов Севера. Нефтепровод на севере Байкала должен был стать призраком в результате ГЭЭ, но этого не случилось. Только вмешательство высшего должностного лица в последний момент превратило нефтепровод на Байкале в призрак. Этот пример свидетельствует, насколько гибко можно использовать законодательные нормы в современном российском обществе, используя сильный административный ресурс. Попытка построить нефтепровод на севере Байкала оказалась лакмусовой бумажкой на проверку действенности российских законов прежде всего в области экологии и природопользования.

Несоблюдение прав человека на чистую экологическую среду и принципов социальной справедливости, гарантированных Конституцией РФ, федеральными законами, может привести к двоякому результату, одинаково нежелательному для государства³⁹. Это может спровоцировать этническое разделение. На юге Сибири, где в результате общности исторических судеб сложились тесные связи между коренным и местным населением, эти вопросы пока не поднимаются. Но в северных регионах (а в будущем и на юге Сибири) это может спровоцировать рост национализма и межэтнической напряженности. Одновременно, если по отношению к Сибири будет продолжаться политика скрытого колониализма, возможно возрождение почвы для сепаратистских региональных движений типа сибирского областничества. Таким образом, вопросы экологической и социальной справедливости при осуществлении нефтегазовых и иных промышленных проектов сейчас в большей степени выходят на первый план, нежели вопросы этничности. Интенсивное освоение Севера без учета интересов коренного и местного населения не только нарушает их права, признанные Конституцией РФ, международным и российским законодательствами, но и создает экологические и социальные проблемы, способствует росту недоверия граждан к собственному государству.

Новый маршрут нефтепровода "Расширенный ВСТО" пройдет по землям, где живут эвенки, якуты, русские, представители других народов. Проблемы, вызванные добычей и транспортировкой нефти, уже встают перед ними. Похоже, в Якутии более серьезно подходят к их решению, чем в свое время в Бурятии (Якутия требует... 2007). Здесь необходим баланс интересов государства, компаний, коренных малочисленных народов Севера и всего местного населения в целях сохранения окружающей природной и социальной среды и стабильности российского государства.